

УДК 332.14

Регион: экономика и социология, 2018, № 2 (98), с. 52–80

Л.В. Мельникова

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АРГУМЕНТЫ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ

В статье поставлен вопрос: подтверждаются ли теоретические посылы, неявно содержащиеся в основополагающих документах стратегического планирования, эмпирическими данными? Ответ на него необходим для оценки обоснованности предлагаемых мер региональной политики, которые, в свою очередь, могут существенно различаться в зависимости от используемого теоретического базиса. Показано, что несмотря на новейшие достижения региональной науки, действующая региональная политика остается в рамках теоретических концепций XX в. При этом существуют явные проблемы с эмпирическим подтверждением агломерационных эффектов. Проблемы с трактовкой наблюдаемых данных связаны с применением макроэкономических индикаторов для проверки исходно микроэкономических моделей. Такая практика является вынужденной по методологическим причинам и осложняется проблемами с доступностью данных. Автором выполнено эмпирическое тестирование утверждений о безусловных преимуществах территориальной концентрации экономической деятельности в городах с точки зрения эффективности производства, обеспечения роста национальной экономики и снижения межрегиональной дифференциации. Расчеты показали, что более высокая производительность труда не является свойством исключительно крупных городов; нет достаточных свидетельств в пользу концентрации экономического роста в агломерациях; уровень межрегионального неравенства растет в большинстве стран, включая и страны с высокими душевыми доходами. Сделан вывод, что полученные результаты противоречат широко транслируемым заявлениям о более высокой эффективности экономики агломераций. Вызывает тревогу, что некоторые тезисы приобретают силу закона в Основах государственной

политики регионального развития Российской Федерации до 2025 года и в обсуждаемой Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года.

Ключевые слова: стратегия пространственного развития; агломерация; эффективность производства; межрегиональное неравенство; эмпирические оценки

ВВЕДЕНИЕ

Достижение баланса между целями равенства и эффективности при разработке социально-экономической политики представляет собой в значительной степени не разрешенную проблему. Применительно к региональной политике данный конфликт целей принимает форму выбора между двумя полярными моделями экономического пространства: территориальной концентрацией экономики и равномерным развитием регионов. Современная история регионального стратегического планирования в России характеризуется периодической сменой приоритетов при выборе между этими моделями. В настоящий момент представляется, что возобладала точка зрения сторонников поляризованного развития. Так, в результате реализации последнего закона о региональной политике «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» ожидается, в частности, не выравнивание¹, но сокращение пространственных различий в уровне и качестве жизни граждан и в уровне социально-экономического развития регионов, а также дальнейшее развитие процесса урбанизации². В Концепции Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года,

---

¹ В отличие от действовавшего с 1996 г. Указа Президента РФ, в котором определялись такие цели, как «гарантирование социальных прав граждан... независимо от экономических возможностей регионов», «выравнивание условий развития регионов». См.: Указ Президента РФ от 03.06.1996 № 803 «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 23. – Ст. 2756.

² См.: Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года». – URL: <http://pravo.gov.ru/laws/acts/4/4951.html>.

утвержденной 22 мая 2017 г., приоритеты регионального развития устанавливаются исходя из плотности населения на территории, темпов роста экономики, уровня экономического потенциала территории и ее значения для национальной безопасности. В зависимости от сочетания названных признаков предлагается несколько моделей существования территории: от опережающего экономического развития (при высокой плотности населения и экономическом отставании) до минимально требуемого социального обустройства (при низкой плотности населения, низком потенциале экономического роста и существенной значимости данной территории для территориальной целостности страны)³. Предложенные модели находятся в русле популярных концепций «поляризованного развития» и «управляемого сжатия» экономического пространства.

В стратегических документах не принято обозначать приверженность их авторов определенным теориям, но таковые оказывают существенное влияние на оценку проблем, аргументацию и обоснование рекомендаций в области экономической политики. Применительно к региональному развитию разнообразные теории размещения позволяют получить прогнозы относительно концентрации (агломерации) или рассеяния (дисперсии) экономической деятельности в пространстве, а теории регионального роста и развития – обозначить перспективы выравнивания (конвергенции) или расхождения (дивергенции) уровней экономического развития регионов. В зависимости от принимаемых предпосылок о характере конкуренции, о мобильности факторов, о типе производственных функций и функций спроса, о виде отдачи от масштаба исследователь может получить противоположные результаты: прогноз дисперсии или агломерации, конвергенции или дивергенции⁴. Оценка ожидаемого воздействия мер региональной политики на территориальное распределение экономической деятельности и на уровень межрегионального неравенства будет зави-

---

³ См.: *Концепция* Стратегии пространственного развития Российской Федерации до 2025 года. – URL: http://src-sakha.ru/wp-content/uploads/2017/06/170522_Kontseptsiya-SPR-RF_Kozak2.pdf.

⁴ См.: *Мельникова Л.В.* Современная региональная экономика: теории и модели: Учеб. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2015. – С. 301–303.

сеть от используемых концепций и моделей. Поэтому выбор методологической основы может повлиять на предлагаемые аналитиком рекомендации в области региональной политики.

ВЛИЯНИЕ ИДЕЙНЫХ ОСНОВ НА ВЫВОДЫ В ОТНОШЕНИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Региональная политика традиционно нацелена на то, чтобы повысить привлекательность региона для инвестиций путем улучшения качества и доступности местных производственных ресурсов и факторов, т.е. ориентирована на увеличение *предложения* в региональной экономике. В случае успеха меры региональной политики способствуют снижению издержек фирм и повышению отдачи от использования местных ресурсов. Воздействие этих мер на уровень факторных затрат зависит от степени межрегиональной мобильности факторов. Капитал и часть трудовых ресурсов мобильны в высокой степени, а наличие природных ресурсов не зависит от деятельности правительства. Поэтому основные объекты региональной политики – это количество, разнообразие и качество местной инфраструктуры, а также качество трудовых ресурсов: расширение предложения этих факторов косвенным образом помогает фирмам снижать производственные издержки. В частности, строительство объектов транспортной инфраструктуры, развитие энергетики, систем передачи информации являются привлекательными факторами для размещения фирм, равно как и развитие систем переобучения, повышения квалификации, трудоустройства и поощрения карьерного роста. Кроме того, политика администрации при выделении земельных участков для экономической деятельности, программы рекультивации и реновации участков прямо влияют на их стоимость. Способствуют снижению затрат и меры, облегчающие приток знаний в регионе и их распространение: поддержка научных и технологических парков, бизнес-инкубаторов, финансирование грантовых программ и субсидирование кредитов.

Нетрудно заметить, что традиционные подходы к региональной политике находятся в рамках неоклассической теории роста и вписываются в модель производственной функции. Вместе с тем названные

выше меры приводят и к росту *регионального спроса*, описываемого кейнсианской моделью регионального мультипликатора. Поддержка бизнеса способствует росту спроса на трудовые ресурсы. Содействие занятости населения и меры социальной поддержки повышают доходы жителей и, следовательно, спрос на местные товары. Программы строительства инфраструктуры создают спрос на услуги строительства и промышленности строительных материалов, которые, как правило, локализованы в регионе. В числе мер региональной политики есть и полностью ориентированные на стимулирование спроса. Привлечение крупных фирм в регион в сочетании с требованиями по локализации производства призвано запустить механизм регионального мультипликатора. На этот эффект зачастую рассчитаны и усилия властей по организации в регионе крупных спортивных или юбилейных событий.

Более современные теории эндогенного роста выявили роль знаний, накопления информации и ее распространения, инвестиций в человеческий капитал и, применительно к пространству, роль агломерационных эффектов в распространении инноваций. Подчеркивается важность для развития региона специфически местных особенностей, которые создают так называемое чувство места и лежат в основе жизнеспособности и благосостояния граждан каждой конкретной территории. При правильной организации и использовании социального, культурного, креативного, предпринимательского и институционального капиталов региона появляется возможность максимально реализовать потенциал его экономического развития [11]. Отсюда приоритетами в региональной политике становятся повышение уровня образованности работников, стимулирование стартапов, поощрение распространения знаний и навыков, развитие социального капитала.

В моделях «центр – периферия», предлагаемых в новой экономической географии (НЭГ), подчеркивается множественность возможных равновесных состояний системы регионов. В случае агломерации фирм в пространстве возникают условия для кумулятивного роста производства в регионе. Но это не обязательный исход. В зависимости от структуры регионального производства возможен и кумулятивный спад. Поскольку рыночные механизмы могут привести к неоптималь-

ному с точки зрения общества исходу, из теории НЭГ следует прежде всего необходимость проведения региональной политики. Кроме того, в моделях НЭГ внесение в систему даже малого изменения может привести к катастрофическому росту неравенства вплоть до обезлюдения одного из регионов (например, субсидия одному из регионов или создание местной инфраструктуры приводят к снижению транспортно-производственных издержек и росту мобильности). Отсюда следует принципиальная важность того, в какой момент времени и в каких объемах надо применять меры региональной политики.

Несмотря на динамичное развитие современной региональной науки, большинство традиционно используемых инструментов региональной политики основаны, по сути, на теориях середины прошлого века, таких как кейнсианская теория экспортной базы, неоклассическая модель регионального роста или теория полюсов роста. Эти инструменты сводятся к строительству дорог и развитию региональной инфраструктуры, к созданию налоговых и финансовых стимулов для перемещения фирм из сильных регионов в слабые. В новейших Основах государственной политики регионального развития Российской Федерации также ставятся вполне традиционные задачи: инфраструктурное обеспечение пространственного развития экономики и социальной сферы; привлечение частных инвестиций, в том числе посредством установления разнообразных льгот; совершенствование механизмов регулирования внутренней и внешней миграции, включая стимулирование развития крупных городских агломераций. Однако в условиях глобализации и распространения внешних шоков, таких как кризис 2008–2009 гг., происходят сбои в действующей системе регулирования экономики, и механизм действия популярных мер региональной политики становится плохо предсказуемым. Именно в этот период в региональной науке началась активная дискуссия о современных принципах региональной политики.

Сторонами дебатов о соотношении целей эффективности и равенства в пространственном развитии стали приверженцы «пространственно-нейтрального» и «локально-адресного» подходов. Сторонники первого ссылаются на положения теории НЭГ, хотя, по сути, опираются на неоклассический подход (теории региональных диспропор-

ций Дж. Уильямсона и стадий развития региона А. Фишера и Э. Гувера), и рекомендуют создавать условия для концентрации ресурсов в отдельных городах и регионах – точках роста, которые вносят наибольший вклад в национальную экономическую динамику. Второй подход опирается на теории эндогенного роста и развития и НЭГ, и его сторонники рекомендуют такую политику, которая формирует возможности для будущего развития, мобилизуя недостаточно использованный потенциал и сосредоточивая ограниченные финансовые ресурсы на поощрении инновационных практик бизнеса и регионального управления⁵.

В силу ряда причин в российской экспертной среде преобладает пространственно-нейтральный подход, о чем свидетельствуют и последние документы в области региональной политики. Так, в Основах государственной политики регионального развития РФ развитие крупных городских агломераций названо необходимым условием обеспечения экономического роста, технологического развития и повышения инвестиционной привлекательности и конкурентоспособности российской экономики на мировых рынках. В Концепции Стратегии пространственного развития РФ термин «точки роста» является ключевым, под ним подразумеваются «пространственно локализованные перспективные экономические специализации территорий». Новые центры экономического роста, по замыслу авторов Концепции, должны опираться на концентрацию кадрового и технологического потенциалов и существенным образом влиять на трансформацию структуры расселения и распределения трудовых ресурсов. Отсюда ожидается прежде всего рост роли крупных городских агломераций, подкрепленный инфраструктурной поддержкой. Однако на этом сходство с современными подходами к региональной политике заканчивается, так как в Концепции совершенно в духе Госплана ставятся задачи *определения* (!) с учетом конкурентных преимуществ субъектов РФ их приоритетных экономических специализаций и на этой основе – порядка размещения производительных сил, системы расселения, по-

---

⁵ Подробнее о различии научных школ см.: Мельникова Л.В. «Пространственно-нейтральная» и «локально-адресная» региональная политика: проблемы выбора // Регион: экономика и социология. – 2014. – № 1 (81).

требности в трудовых ресурсах и инфраструктуре. Спрос на продукты назначенной сверху специализации регионов, видимо, предполагается гарантированным. Концентрация ресурсов в точках роста, по мнению авторов Концепции, совместима с задачей «увеличения их количества и максимального расщепления» по территории страны.

ОБОСНОВАНИЕ ЭФФЕКТОВ АГЛОМЕРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ОЦЕНКИ

Явный уклон в пользу крупных городов, наблюдаемый в документах, формирующих основы региональной политики, основан на признании высокой роли пространственной концентрации экономической деятельности в росте национальной экономики. Последний тезис является предметом консенсуса во влиятельной части экспертного сообщества. Доказательную конструкцию можно сформулировать следующим образом. *Крупные города являются наиболее эффективными местами для производства, поэтому вносят преобладающий вклад в рост национальной экономики. Стабильный экономический рост является достаточным условием для конвергенции, что в существенной степени снижает приоритет политики межрегионального выравнивания в пользу стимулирования роста.* В выводимых на этой основе рекомендациях политика поощрения национального роста зачастую превращается в политику поощрения роста городских агломераций.

Изложенные тезисы в среде единомышленников представляются самоочевидными, так что серьезная аргументация нередко заменяется отсылками к авторитетам. Тезис об эффективности производства в городах поддерживается высказываниями Р. Флориды о том, что удвоение размера города приводит к более чем двукратному росту продукта, но требует менее чем двукратного роста издержек [6]. Широко используется известный доклад Всемирного банка «Перечерчивая экономическую географию», в котором акцентируется вклад городов в экономический рост. В этом докладе, в частности, с помощью показателей территориальной концентрации производства и населения иллюстрируется тезис, что «по мере того как страны богатеют,

экономическая деятельность все плотнее упаковывается в городки, города и метрополисы»⁶. Перспективы сглаживания межрегионального неравенства обобщаются в формуле: «сначала дивергенция, потом конвергенция – между отстающими и лидирующими областями»⁷. Эти «стилизированные факты», почерпнутые из наблюдений за экономической динамикой городов мира, призваны подтвердить преимущества концентрации экономической деятельности в пространстве, обоснованные экономической теорией.

В теории высокая эффективность экономической деятельности в агломерации является результатом снижения производственных издержек и увеличения выпуска. Снижаются не все затраты, а определенные их элементы при определенных условиях. При пространственной концентрации фирм одной отрасли, согласно А. Маршаллу, снижаются затраты на получение информации, на пользование специализированными ресурсами, производственными услугами и инфраструктурой, на поиски квалифицированных работников и их обучение. Таким образом проявляется локализационная отдача от масштаба (по Б. Олину и Э. Гуверу), в отличие от урбанизационной отдачи, которая основана на тех же элементах затрат, но возникает, если в одном месте собираются фирмы разных отраслей. Тогда однотипные фирмы продолжают пользоваться локализационной отдачей от масштаба, а разнотипные фирмы, связанные поставками, получают снижение транспортных издержек и затрат на координацию поставок. В большом городе урбанизационная отдача от масштаба делает для всех более доступными разнообразные общественные блага, социально-бытовую инфраструктуру, правительственные и информационные услуги, причем доступность включает в себя не столько экономию транспортных затрат для потребителя, сколько снижение цены услуги по мере увеличения количества пользователей.

Механизмы роста выпуска в агломерации также разнообразны. В соответствии с принципом «круговой и кумулятивной причинности» Г. Мюрдаля возможность получить эффекты масштаба привлека-

---

⁶ *World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography*. – Washington, DC: World Bank, 2009. – P. 48.

⁷ *Ibid.* – P. 84.

ет в город все больше фирм, а повышенные доходы – работников, что обеспечивает дальнейшее повышение спроса на разнообразные продукты и услуги. Увеличение спроса, в свою очередь, позволяет фирмам нарастить масштаб производства и получить внутреннюю отдачу от масштаба, что обеспечивает возможности для создания инновационных продуктов, отличающихся высокой долей издержек на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Укрепление фирм создает дополнительный спрос на продукты и услуги, и Ж. Будвиль, развивая теорию «полюсов роста» Ф. Перру применительно к пространству, подчеркивал роль крупных инновационных фирм в развитии промышленных кластеров. Кроме того, считается, что нахождение в агломерации облегчает распространение знаний и навыков и обмен ими, что увеличивает объемы и уровень инноваций, а следовательно, повышает уровень производительности труда⁸.

Возможно ли подтвердить общепризнанные положения теории агломерации непосредственно, не прибегая к интерпретации исторической статистики? Для этого в идеале потребовалось бы рассмотреть деятельность каждой фирмы в агломерации и вне агломерации. Прямая калькуляция затрат и доходов для альтернативных вариантов размещения фирм и общественной инфраструктуры позволила бы оценить минимально возможные (потому что чисто экономические) эффекты для фирмы и для агломерации. Мысленный эксперимент такого рода возможен, но количественная оценка агломерационного эффекта связана со слишком большим числом неопределенностей и вряд ли представит ценность.

В этой ситуации исследователи вынуждены обращаться преимущественно к *макроэкономическим* данным для подтверждения исходно *микроэкономических* конструкций. Обзор эмпирических исследований агломерационных эффектов, выполненный в работе [3], свидетельствует о широком использовании в таких исследованиях данных о занятости, добавленной стоимости, количестве фирм, численности населения, объемах инвестиций, количестве патентов. На основе этой статистики рассчитывается множество показателей, призванных оце-

---

⁸ См.: Мельникова Л.В. Современная региональная экономика...

нить абсолютный и относительный размер отрасли в регионе, степень отраслевого разнообразия и при использовании показателей на единицу площади – плотность экономической деятельности. При оценке локализационных эффектов чаще всего рассчитывается индекс локализации в разных формах и специализации, а при оценке урбанизационных эффектов – индекс Херфиндаля – Хиршмана. В случае если используются микроданные статистических регистров предприятий, позволяющие построить макроэкономическую производственную функцию, как показано в работе [7, ch. 5, p. 247–348], агломерационный эффект улавливается через изменение продуктивности деятельности, измеряемое общей факторной производительностью фирм или номинальной заработной платой.

Сложность непосредственного измерения агломерационной отдачи от масштаба вынуждает исследователя прибегать к разнообразным индикаторам⁹ – весьма неточным заменителям. В качестве обобщенных индикаторов часто используются такие показатели, как численность населения (размер) города, доля населения, проживающего в крупных городах, численность занятых в городе. Рост экономики измеряется как рост занятости или числа фирм в городе. Рост продуктивности представляется ростом занятости, а уровень продуктивности – уровнем заработной платы. Численность населения может представлять и размер спроса, и потенциал рынка, и гравитационное притяжение города. В последнее время растет популярность такого метода аппроксимации уровня экономической активности, как измерение степени освещенности поверхности Земли в ночное время на основе спутниковых снимков [1]. Подобная практика измерений нередко признается неудовлетворительной [12].

Доступность индикаторов пропорциональна степени агрегации данных и представляет отдельную проблему. Ограниченность микроэкономической информации по городам и предприятиям приводит к тому, что вместо таких данных широко используются данные демографические. Доступные данные («стилизированные факты») часто ока-

---

⁹ Под *индикатором* (англ. *proxy*) понимается показатель, косвенно характеризующий изучаемый объект и используемый взамен недоступных наблюдению и измерению характеристик [2].

зываются предметом не анализа, но интерпретации. Само существование большого города и динамика его социально-экономических показателей рассматриваются как результат действия агломерационных эффектов. Миграционный приток расценивается как доказательство успешности города, его эффективности. Отсюда делается вывод, что «города – драйверы роста», и рекомендуется поощрять развитие и даже создание агломераций. Из того факта, что в странах высокодоходной группы наблюдается в среднем пониженный уровень межрегиональной дифференциации по сравнению с бедными странами, выводится прогноз о том, что пространственное неравенство будет уменьшаться по мере роста экономики страны (а перспективы роста, напомним, увязаны с высоким уровнем урбанизации). Следовательно, в условиях ограниченности ресурсов государственная политика выравнивания окажется расточительством.

Подобные утверждения основаны на упрощении и сокращении цепочек причинно-следственных связей. Кроме того, неявно придается слишком большой вес долгосрочным историческим трендам, тогда как в современной экономике с иными структурой и динамикой однозначная зависимость развития от исторической колеи не подтверждена [8]. Тем не менее приведенные тезисы зачастую преподносятся как очевидные и не требующие доказательств. Поэтому они нуждаются в регулярной перепроверке на актуальных данных.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТЕСТИРОВАНИЯ АРГУМЕНТОВ В ПОЛЬЗУ ПООЩРЕНИЯ РАЗВИТИЯ АГЛОМЕРАЦИЙ

О более высокой эффективности деятельности в крупных городах. Российская статистика по городам не позволяет рассчитать показатели производительности труда на основе добавленной стоимости, но это можно сделать на основе показателя «отгрузка товаров собственного производства и выполнение работ и услуг собственными силами» по основным видам экономической деятельности С + D + E (добывающие производства; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды), которые дают в сумме оценку промышленности как отрасли. Отношение объемов

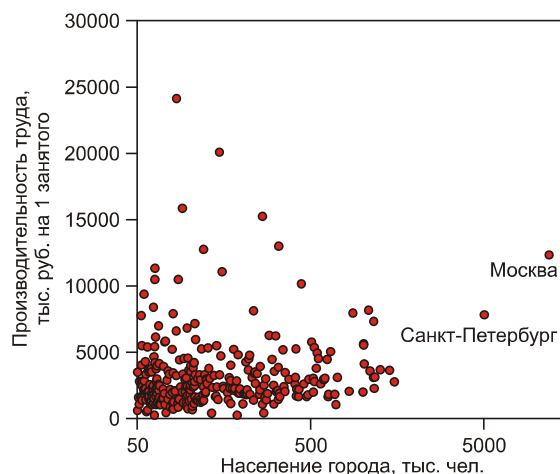

Рис. 1. Производительность труда в промышленности российских городов в зависимости от их размера, 2013 г.

Источник: статистическая база «Города России» (URL: <http://www.multistat.ru/>); расчеты автора

отгрузки к среднесписочной численности работников без внешних совместителей в названных отраслях дает оценку производительности труда в текущих ценах в 317 городах с численностью населения более 50 тыс. чел.¹⁰ На рисунке 1 показана зависимость данного показателя от численности населения соответствующих городов в 2013 г. Коэффициент ранговой корреляции Спирмена составил 0,167 в 2005 г., 0,145 в 2009 г. и 0,202 в 2013 г., что указывает на слабость положительной связи между показателями. Исключение из выборки Москвы и Санкт-Петербурга снижает значение коэффициента на 0,015.

В европейских странах плотность населения и уровень урбанизации значительно выше, чем в России, поэтому логично ожидать, что

¹⁰ Включение в выборку всех городских поселений с численностью жителей от 2 тыс. чел. увеличивает ее размер в 3 раза и поднимает коэффициент Спирмена до 0,4, но делает структуру данной выборки несопоставимой со структурой рассматриваемых далее выборок по городам Европейского союза и Организации экономического сотрудничества и развития.

связь между производительностью труда и размером города будет более выраженной. Мы выполнили оценку, аналогичную предыдущей, на базе показателя валовой добавленной стоимости (ВДС) на одного занятого по промышленности¹¹ в текущих ценах (евро) по 269 метрополитенским районам с населением не менее 250 тыс. чел.¹² Коэффициент Спирмена составил 0,027 в 2003 г., 0,126 в 2009 г., 0,115 в 2013 г. и 0,123 в 2014 г. Возможно, столь низкое значение коэффициента ранговой корреляции обусловлено выбором промышленных видов деятельности, тогда как крупные города в постиндустриальной стадии развития специализируются в области оказания современных услуг. Поэтому мы повторили оценку для суммы всех видов деятельности. Против ожиданий, степень корреляции, оцененная коэффициентом Спирмена, выросла незначительно: 0,12 в 2003 г., 0,178 в 2009 г., 0,164 в 2013 г. и 0,157 в 2014 г. Исключение из выборки Лондона и Парижа снижает значение коэффициента на 0,02. Таким образом, положительная зависимость между производительностью труда и размером города оказалась в Европе такой же слабой, как и в России.

Мы выполнили расчеты также и по валовому внутреннему продукту (ВВП) в текущих ценах (доллары США), произведенному в 2012 г. в 309 метрополитенских ареалах с населением не менее 500 тыс. чел., расположенных в 29 странах ОЭСР. Коэффициент ранговой корреляции между рассматриваемыми показателями оказался существенно выше: 0,291. Учитывая, что данная выборка содержала большинство «мировых городов», можно было предположить, что полученный результат обусловлен их влиянием. Но исключение из выборки 15 мегаполисов с численностью жителей от 6 млн чел. снизило коэффициент Спирмена лишь до 0,284. В то же время удаление из выборки городов США заметно уменьшило значение коэффициента – до 0,186. Проведенный эксперимент дал основания предположить, что

¹¹ Промышленностью здесь назван отраслевой агрегат (B + C + D + E) по классификатору видов деятельности NACE Rev. 2.

¹² Метрополитенские районы – это урбанизированные территории, в которые включаются города и пригороды, связанные ежедневными трудовыми миграциями. В России статистика собирается по городам в административном понимании, что вносит в сопоставление дополнительные методологические различия.

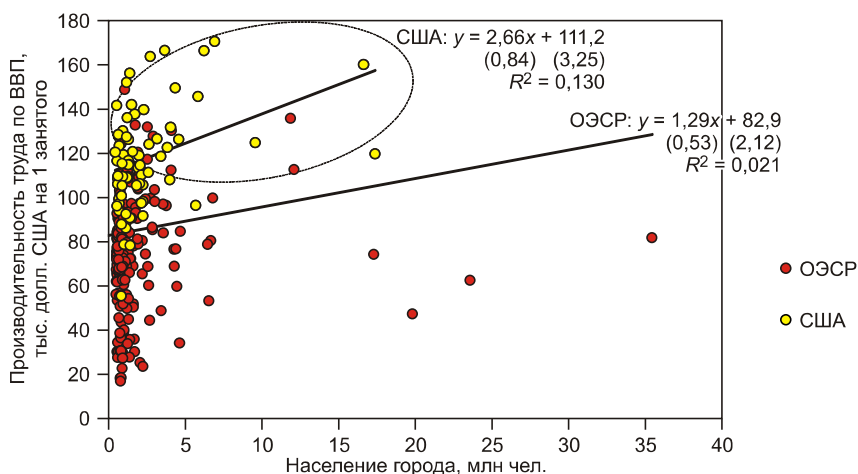

Рис. 2. Производительность труда в экономике городов стран ОЭСР в зависимости от их размера, 2012 г.

Источник: база данных ОЭСР (URL: http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=REGION_ECONOM); расчеты автора

городская система США существенно отличается от систем остальных стран, тем более что для нее коэффициент Спирмена равен 0,352.

На рисунке 2 показана оценка регрессионных зависимостей производительности труда для городов ОЭСР и для подвыборки из городов США в зависимости от их размера. Параметры уравнения для США свидетельствуют о наличии слабой связи между переменными, тогда как параметры уравнения для ОЭСР не позволяют предполагать ее наличие. С помощью теста Чоу мы проверили, насколько статистически различны параметры оцененных моделей. Результат теста позволил отвергнуть гипотезу о постоянстве параметров модели для всех наблюдений выборки и подтвердить, что показатели американских городов демонстрируют отличающееся статистическое поведение.

Стоит заметить, что идеи школ «городской экономики» и «новой экономической географии», образующие теоретическую основу политики развития городских агломераций, возникали преимуществен-

но на базе изучения эмпирических данных по США. Отсюда следует, что «для многих стран, особенно для европейских, картина гораздо более неоднородна, и чтобы понять последствия этой неоднородности для государственной политики, требуются тщательный анализ и рассмотрение, которые выходят за рамки стандартных догматов» [5, р. 338]. В британской аналитике, например, распространено мнение, что несоответствие городской системы Великобритании моделям агломерации, наблюдаемым в США, свидетельствует о том, что с британской экономикой «что-то не так». По мнению противников данной точки зрения, британские разработчики региональной политики упорствуют в проведении такой политики, которая направлена на воспроизведение упрощенной модели, явно неудовлетворительной для объяснения гораздо более сложных пространственных и социальных проблем городов Соединенного Королевства [4].

По результатам наших расчетов выделяется по меньшей мере три модели функционирования систем городов. Существенная и положительная связь между производительностью труда и размером города характерна для масштабной, зрелой, полицентричной городской системы с достаточным количеством городов второго и третьего рангов. В первую очередь она отмечается для Германии (0,47)¹³ и США (0,352), а также для Франции (0,535 и 0,49 без Парижа в силу доминирования столицы). На другом полюсе – страны, где данная зависимость скорее отрицательная (–0,098 для Испании, –0,6 для Кореи) или оказывается таковой при контроле доминирования столицы, что особенно характерно для Великобритании (0,017 и –0,073 без Лондона). Промежуточное положение занимают страны, среди которых выделяется группа стран с низкой плотностью населения: Россия (0,202), Канада (0,267), Австралия (0,143). Дальнейшее уточнение моделей требует детального изучения городских систем на более представительной выборке¹⁴. Нашей целью было показать, что эти модели как минимум различаются и что более высокая эффективность производства не

---

¹³ Здесь и далее в скобках коэффициенты Спирмена в 2012 или 2013 г.

¹⁴ Использовалась доступная выборка данных по метрополитенским ареалам ОЭСР с населением более 500 тыс. чел., которая составляет четверть от общего числа ареалов с населением более 50 тыс. чел.

обязательно присуща крупнейшим агломерациям. Тем более совпадение с выбранной успешной моделью или известным образцом не может служить критерием эффективности структуры размещения экономической деятельности.

О крупных городах как драйверах экономического роста страны.

Если мы признаем, что экономика агломераций более эффективна, то отсюда следует, что их вклад в рост национальной экономики будет преобладающим. В Докладе Всемирного банка постулируется, что «ни одна страна не смогла развиваться без роста городов»¹⁵. Этому распространенному мнению противоречат результаты исследований, например, городов Великобритании: «...Данные о том, способствует ли повышенная пространственная концентрация экономической деятельности ускоренному росту, неоднозначны и по городам, и по национальной экономике, к которой эти города принадлежат. ... Темпы роста выпуска и занятости в большинстве ключевых городов существенно ниже соответствующих темпов роста по национальной экономике» [10, р. 33].

В российской статистике индексы производительности труда рассчитываются по субъектам Федерации, но не по городам¹⁶. Логично ожидать преобладающий рост производительности труда в более урбанизированных областях, где достаточная концентрация экономической деятельности порождает агломерационную отдачу от масштаба. Мы рассчитали показатель доли населения субъекта РФ, проживавшего в городах с численностью более 100 тыс. чел., и индекс производительности труда по субъектам РФ за период 2008–2015 гг. и оценили степень корреляции между этими показателями. Корреляция оказалась слабой и отрицательной. Возможно, этот результат обусловлен особенностями отраслевой структуры экономики регионов. Так, высокая стоимость продукции добывающей промышленности в районах, теряющих население, может проявиться в высоких пока-

---

¹⁵ World Development Report 2009... – Р. 48.

¹⁶ Индекс производительности труда по экономике региона в целом рассчитывается как частное от деления индексов физического объема ВРП и изменения совокупных затрат труда.

зателях производительности труда. Вероятно также, что на высокоурбанизированных территориях сложнее снизить затраты труда из-за повышенной доли услуг в региональной экономике.

Для непосредственной проверки гипотезы о концентрации экономического роста в крупных городах следовало бы оценить рост выпуска или добавленной стоимости в сопоставимых ценах, но в России такие данные по городам не рассчитывают. Поэтому мы использовали в качестве индикатора роста показатель занятости за период 2004–2013 гг. Были рассчитаны в процентах темпы роста среднесписочной численности работников организаций (без внешних совместителей) по 1013 городам за 2004–2013 гг.; города сгруппированы по 10%-м интервалам изменений; для каждого дециля рассчитана средняя численность населения (за 2013 г.) и определено количество попавших в него городов (без Москвы, Санкт-Петербурга и городов-миллионников). По России в целом среднегодовая численность работников организаций сократилась на 8% (рис. 3, 4). В 15 миллионах уровень занятости изменился от –37 до +16%, т.е. в гораздо более узком диапазоне по сравнению с разбросом показателей от –80 до +60% в остальных городах. Эти данные хотя и не подтверждают популярные аргументы о концентрации роста в крупных городах, но дают свидетельства в пользу их большей устойчивости к спаду.

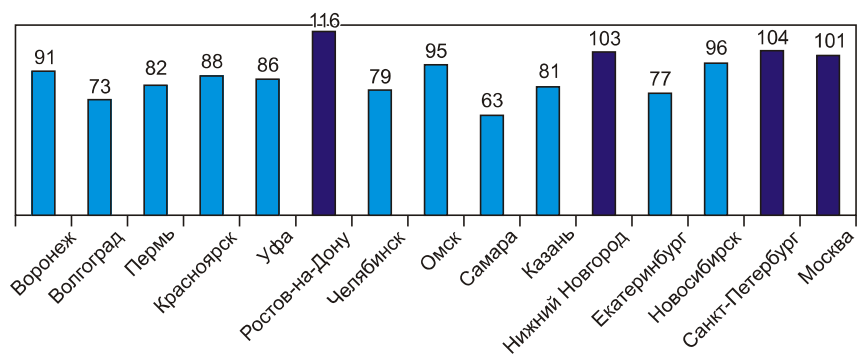

Рис. 3. Изменение среднесписочной численности работников организаций в городах России с населением более 1 млн чел. за 2004–2013 гг., %

Источник: статистическая база «Города России» (URL: <http://www.multistat.ru/>); расчеты автора

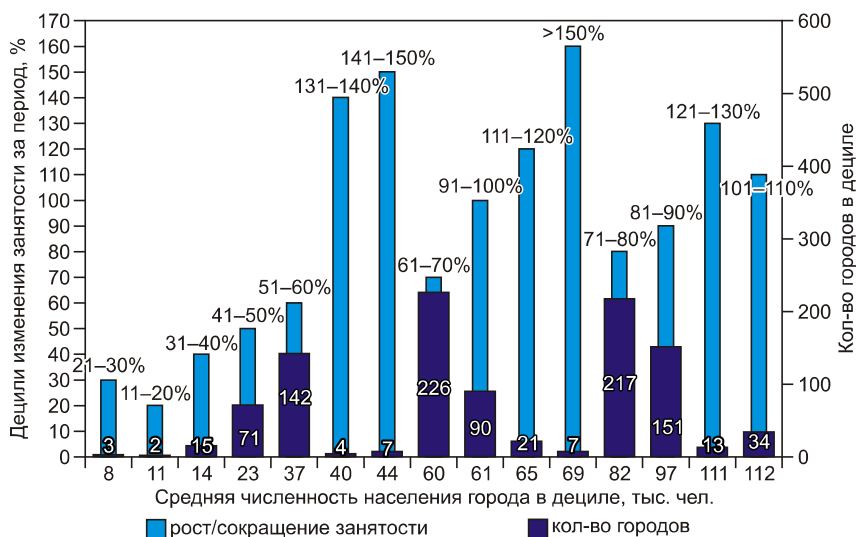

Рис. 4. Интервалы изменения среднесписочной численности работников организаций в зависимости от численности жителей городов России с населением менее 1 млн чел. за 2004–2013 гг.

Источник: статистическая база «Города России» (URL: <http://www.multistat.ru/>); расчеты автора

Сравнение диаграмм, представленных на рис. 3 и 4, вряд ли показывает преимущества крупных городов с точки зрения динамики производства. Помимо четырех миллионников положительные темпы роста зафиксированы в 96 малых и средних городах. Размер этих городов не превышает 112 тыс. чел. и в среднем составляет 80 тыс. чел. Но на другом полюсе группа из 91 города, в которых экономика сократилась в 1,5 раза и более, а размер этих городов существенно меньше – в среднем 20 тыс. чел., и это аргумент в пользу проверяемой гипотезы. Тем не менее присутствие потенциала роста в экономике малых и средних городов подтверждается. В любом случае с учетом неоднозначности полученных результатов утверждение о том, что одни только большие города гарантируют рост российской экономики, было бы большим упрощением.

Не следует забывать, что рост агломераций часто обусловлен неэкономическими факторами: политическим фаворитизмом, столичным статусом, государственными программами развития. Если бы это было не так и реальная экономика описывалась только агломерационной теорией, то фирмы не только входили бы в крупный город, но и покидали бы его, как только негативные эффекты (рост цен на труд и землю, увеличение транспортных затрат вследствие скученности, деградация качества городской среды) перевесят хорошо описанные в литературе позитивные эффекты. Известна оценка оптимального размера города, которая демонстрирует, что ВВП на душу населения в городе положительно связан с его размером только до определенного порогового значения – 7,35 млн жителей, после достижения которого связь становится отрицательной¹⁷. В действительности мегаполисы продолжают расти и после достижения оптимального размера, что уже не объясняется калькуляцией затрат и доходов фирм и жителей в рамках чисто экономического подхода, но способствует сосредоточенности экономистов на положительных эффектах урбанизации.

О естественном сокращении межрегиональной дифференциации в процессе экономического роста. Из тезиса о решающем вкладе крупных городских агломераций в рост национальной экономики вытекает перспектива сглаживания межрегионального неравенства по мере роста национального дохода. Идея, увязывающая уровень межрегиональной дифференциации с уровнем благосостояния в стране, концептуализирована как «кривая Уильямсона» или «пространственная кривая Кузнецца». Собственно кривая Кузнецца иллюстрирует зависимость неравенства доходов домохозяйств от уровня развития страны – сначала положительную, а затем отрицательную в процессе структурного перехода от аграрной экономики к индустриальной и постиндустриальной. Кривая Уильямсона – это функция любого показателя межрегионального неравенства от национального показателя доходов на душу населения. Она демонстрирует, что рост регионов, первоначально основанный на специализации, приводит к росту

---

¹⁷ См.: *OECD Territorial Reviews: Competitive Cities in the Global Economy*. – Paris: OECD, 2006. – P. 277.

межрегионального неравенства, которое по мере диверсификации сокращается. В результате график приобретает форму перевернутой буквы U (т.е. $\cap$).

Возможность региональной конвергенции душевых доходов является следствием структурной трансформации региональных экономик. На ранних стадиях индустриализации в стране развиваются добывающие отрасли и первичная переработка, которым свойственна концентрация в пространстве, а позже – высокотехнологичные производства и услуги, размещение которых в большей степени дисперсное. Восходящая ветвь кривой Уильямсона обязана своей формой положительным эффектам локализационной отдачи от масштаба, способствующим географической концентрации производства и населения, а следовательно, и региональной дивергенции. Тенденция к конвергенции соотносится с нисходящей ветвью кривой. На этой стадии проявляются негативные эффекты агломерации в регионах-лидерах, которые теряют привлекательность и замедляют рост; в отстающих регионах создаются новые рабочие места и прекращается отток населения; устанавливаются новые производственные взаимосвязи между передовыми и отстающими регионами; региональные факторные цены выравниваются в соответствии с неоклассической теорией. Хотя свидетельства в пользу существования кривых Кузнецца и Уильямсона весьма неоднозначны (см. обзор эмпирических исследований в работе [9]), нередко при обосновании пространственно-нейтральной политики на них ссылаются как на объективный закон¹⁸.

Стандартная процедура тестирования кривой Уильямсона сводится к оценке описанной зависимости на базе динамического ряда показателей за тот или иной период времени для одной страны или межстрановой панели данных для одной временной точки. В качестве показателя неравенства мы рассчитали межрегиональный коэффициент Джини на основе объема ВВП на душу населения в сопоставимых ценах 2010 г. (доллары США) по странам ОЭСР и крупным странам мира за 1995, 2000, 2005, 2011 и 2014 гг. В качестве показателя благосостояния использовался натуральный логарифм душевого ВВП со-

---

¹⁸ См.: *World Development Report 2009...* – P. 74.

Параметры линейной регрессии уровня межрегионального неравенства по уровню благосостояния в странах мира в 1995–2014 гг.

Год оценки	Кол-во наблюдений	Коэффициент регрессии (станд. ошибка)	Константа (станд. ошибка)	R ²
1995	33	-0,089 (0,013)	1,029 (0,123)	0,613
2000	35	-0,094 (0,023)	1,120 (0,228)	0,344
2005	41	-0,104 (0,018)	1,241 (0,182)	0,459
2011	42	-0,103 (0,019)	1,244 (0,197)	0,413
2014	42	-0,093 (0,020)	1,137 (0,200)	0,359

Примечание: все коэффициенты значимы на уровне 1%.

ответствующих лет. Оценки регрессии показали наличие отрицательной связи между значением коэффициента Джини и душевым ВВП, т.е. высокий уровень неравенства в более бедных странах и низкий – в богатых, что является аргументом в пользу существования кривой Уильямсона. Но при рассмотрении регрессий в динамике обнаруживается, что в течение исследуемого периода общий уровень межрегиональной дифференциации растет: линии оцененных регрессий смещаются наружу (см. таблицу).

Расчет динамических рядов коэффициентов Джини показал, что в ряде развитых стран за последние 15 лет произошел рост межрегионального неравенства, а во многих растущих экономиках – его сокращение. Страны высокодоходной группы составляют половину и в группе с растущим неравенством, и в группе с уменьшающимся неравенством. Оценка регрессионной зависимости коэффициента Джини от душевого ВВП выявила разные модели (линейная отрицательная, линейная положительная, U-образная, J-образная и волнообразная), ни одна из которых не оказалась преобладающей.

Факторы, формирующие модели межрегионального неравенства, явно действуют в разных направлениях. К ним относятся особенности отраслевой структуры экономики (например, высокая доля отраслей, склонных к географической концентрации) и ее текущие изменения; последствия либерализации внешней торговли и глобализации, кото-

рые направляют потоки трудовых ресурсов в агломерации; развитие транспортной и коммуникационной инфраструктуры. Имеет значение и межрегиональная конкуренция. Передовые регионы в силу высокой доли инновационных производств в экономике, доступности инвестиций, сосредоточения квалифицированного труда, наличия современной инфраструктуры имеют больше возможностей для сохранения и усиления своих конкурентных позиций. Поэтому несмотря на проявление негативных эффектов агломерации, рост может концентрироваться в ядре, не перетекая на периферию.

Вопрос о форме кривой Уильямсона оставался бы чисто академическим, если бы в числе прочих популярных аргументов не использовался для обоснования мер региональной политики. В качестве теоретической концепции эта кривая обрисовывает траекторию достижения пространственного равновесия – состояния, в котором выравниваются цены и вознаграждения факторов, когда у экономических агентов нет стимулов перемещаться в другие места. В неоклассической теории такое равновесие – рыночный результат. Если оно не достигается, если пространственное неравенство сохраняется, это значит, что рыночные силы наталкиваются на институциональные препятствия. Тогда задача региональной политики – либерализация движения товаров, труда, капитала и знания, с тем чтобы они свободно перемещались в пространстве в ответ на неискаженные рыночные сигналы.

В то же время теории новой экономической географии и эндогенного роста полагают неравновесие результатом действия рынка. Поскольку перемещение товаров и факторов связано с затратами, а регионы различаются по своим возможностям получать положительные эффекты масштаба, то естественным результатом оказывается региональное неравенство. Отсюда меры региональной политики совершенно необходимы, чтобы дать шанс отстающим регионам. Между тем, как показано выше, из-за сложностей экономических измерений в пространстве и проблем с трактовкой получаемых оценок неоднозначные эмпирические свидетельства могут дать поддержку противоположным рекомендациям.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегии экономического, технологического или пространственного развития основываются на теоретических концепциях независимо от того, сознают ли это авторы стратегий. Преобладающие ныне теоретические концепции продвигаются в региональное мышление отсылками к авторитетам, к опыту других стран и другими риторическими приемами. Будучи изначально построены на множестве упрощающих предпосылок, некоторые аргументы преподносятся как очевидные факты, хотя зачастую не подтверждаются статистически. В настоящее время в экспертной дискуссии преобладает мнение о безусловных преимуществах территориальной концентрации экономической деятельности, в частности в крупных агломерациях.

Между тем эмпирически не обнаруживается однозначно положительной связи между продуктивностью деятельности и размером города. Высокая производительность труда не является свойством только больших агломераций ни в России, ни во многих других странах. Отсюда потенциал роста не обязательно сосредоточен в вершинах иерархии городов, возможности развития малых и средних городов не следует игнорировать. Независимо от размещения производств и концентрации экономического роста в пространстве стабильные темпы роста национального дохода не являются гарантией снижения уровня пространственного неравенства. Межрегиональная дифференциация растет в большинстве стран, включая урбанизированные страны с высокими душевыми доходами.

Сложность трактовки эмпирических наблюдений и противоречия в оценках связаны с проблемами измерения агломерационных эффектов. В статистических оценках преобладает применение макроэкономических индикаторов для проверки исходно микроэкономических моделей. Такая практика является вынужденной по методологическим причинам и осложняется проблемами с доступностью данных. Те гипотезы, которые возможно проверить на макроэкономических данных, выводятся умозрительно и непосредственно не связаны с моделями агломерации. Несмотря на то что в последнее время выполне-

но значительное число эмпирических исследований, они не дают однозначного подтверждения преимуществ крупных агломераций с точки зрения эффективности, динамизма и социального равенства.

Мы показали, что из логики разных научных школ могут быть выведены противоположные рекомендации в области региональной политики. Остается актуальным вопрос, по каким причинам в экспертной среде преобладают те или иные воззрения. Приходится согласиться с мнением, приведенным в докладе Комиссии по росту и развитию «Урбанизация и рост»: «...Научный дискурс в экономике определяется теоретическими новациями, эмпирические исследования редко оказывают решающее влияние на политику или теорию. Несмотря на то что в последние годы существенно увеличился объем эмпирического знания, направления политики формируются скорее под воздействием научно-теоретических аспектов и субъективной оценки явлений, чем на основе чистого накопления систематического эмпирического знания. Поскольку теории, недостаточно подтвержденные эмпирически, могут легко проникнуть в политический дискурс, разработчики политики должны осознавать присущую экономической науке теоретическую предвзятость. Для того чтобы можно было адекватно оценить преимущества предлагаемых учеными мер политики, разработчики политики должны овладеть базовыми знаниями о достижениях в области экономической географии» [9, p. 134].

Сокращение и упрощение причинно-следственных связей в анализе пространственной экономики превращает исходно строгие теоретические концепции в эффективные риторические приемы. В условиях сверхцентрализации федерального государства и ограниченности бюджетных средств примитивные аргументы отвечают запросу на простые решения. Лица, ответственные за пространственное развитие российской экономики, не сомневаются в том, что нужно «развивать существующих драйверов экономического роста. Это, прежде всего, крупные города. Точно будет наибольший эффект, быстрый эффект, и те самые средние цифры в целом по стране вырастут гораздо быстрее, чем если мы будем развивать, например, депрессивные террито-

рии»¹⁹. Так принцип кумулятивной причинности, тонкие агломерационные эффекты и потребительские предпочтения разнообразия сводятся в простое среднее.

По прошествии 25 лет рыночного развития лица, принимающие решения, обнаруживают себя в идеальном мире совершенной информации и полностью управляемой экономики, в которой «важно четко определить конкурентные преимущества каждого региона, максимально точно спрогнозировать региональные точки роста»²⁰, и уверены, что «в каждом из регионов можно найти одно-два приоритетных направления и сконцентрировать свои финансовые ресурсы на этих вопросах»²¹. Если долгосрочная стратегия пространственного развития строится на принципах оперативного управления и экономии централизованных «фондов», если высший стратегический менеджмент мыслит в рамках лишь администрирования бюджета, не допуская возможности перераспределения полномочий в пользу регионов, то результат в виде абсолютного сжатия экономического пространства проявится раньше, чем будет достигнут горизонт действия стратегии.

Список источников

1. *Фан П., Чен Дж., Уанг З.* Урбанизация в Сибири: Взгляд со спутника // ЭКО. – 2017. – № 7. – С. 20–33.
2. *Цели и ресурсы в перспективном планировании* / Под ред. Е.З. Майминаса, В.Л. Тамбовцева, А.Г. Фонотова. – М.: Наука, 1985. – 262 с.
3. *Beaudry C., Schiffauerova A.* Who's right, Marshall or Jacobs? The localization versus urbanization debate // *Research Policy*. – 2009. – Vol. 38 (2). – P. 318–337.

---

¹⁹ *Козак Д.* Выступление на круглом столе «Новая региональная политика – преемственность или перемены» в рамках Российского инвестиционного форума «Сочи-2018», 15 февраля 2018 года. – URL: <http://www.rusinvestforum.org/upload/iblock/2a5/2a5c22b28e97a54ae227f3dc73c9e459.pdf>.

²⁰ *Медведев Д.* Вступительное слово на встрече с главами регионов в рамках Российского инвестиционного форума «Сочи-2018», 16 февраля 2018 года. – URL: <http://government.ru/news/31397/>.

²¹ Там же.

4. Cox E., Longlands S. City systems: The role of small and medium-sized towns and cities in growing the northern powerhouse // IPPR North, 2016. – URL: http://www.ippr.org/files/publications/pdf/city-systems_June2016.pdf (дата обращения: 01.06.2017).

5. Dijkstra L., Garcilazo E., McCann P. The economic performance of European cities and city regions: myths and realities // European Planning Studies. – 2013. – Vol. 21 (3). – P. 334–354.

6. Florida R. The Rise of the Creative Class. – Revisited: revised and expanded. – N.Y.: Basic Books, 2014. – 512 p.

7. Handbook of Regional and Urban Economics / Ed. by G. Duranton, V. Henderson, W. Strange. – Elsevier, 2015. – Vol. 5. – 2064 p.

8. Henning M., Stam E., Wenting R. Path dependence research in regional economic development: cacophony or knowledge accumulation? // Regional Studies. – 2013. – Vol. 47 (8). – P. 1348–1362.

9. Kim S. Spatial inequality and development: theories, facts and policies // Urbanization and Growth / Ed. by R. Buckley, P. Annez, M. Spence. – Washington, DC: The International Bank for Reconstruction and Development; World Bank, 2009. – P. 133–166.

10. Martin R., Gardiner B., Tyler P. The evolving economic performance of UK cities: city growth patterns 1981–2011. 2014. Foresight, Government Office for Science. – URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/358326/14-803-evolving-economic-performance-of-cities.pdf (дата обращения: 01.02.2018).

11. McCann P. Modern Urban and Regional Economics. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – 432 p.

12. Rigby D.L., Essletzbichler J. Agglomeration economies and productivity differences in US cities // Journal of Economic Geography. – 2002. – Vol. 2, Iss. 4. – P. 407–432.

Информация об авторе

Мельникова Лариса Викторовна (Россия, Новосибирск) – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (630090, Новосибирск, просп. Акад. Лаврентьева, 17, e-mail: melnikova@ieie.nsc.ru); доцент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1).

DOI: 10.15372/REG20180203

Region: Economics & Sociology, 2018, No. 2 (98), p. 52–80

L.V. Melnikova

THEORETICAL ARGUMENTS AND EMPIRICAL EVIDENCE IN STRATEGIC PLANNING

The article raises the question whether some theoretical arguments implicitly contained in fundamental strategic documents are supported by empirical evidence. The answer is essential to assessing the validity of the proposed regional policies that, in turn, could vary significantly depending on the used theoretical framework. We show that, despite the latest achievements of regional science, the current regional policy stays within the theoretical concepts of the 20th century. There are obvious problems with empirical confirmation of agglomeration effects. Difficulties in interpreting observable data relate to the use of macroeconomic indicators for testing the initially microeconomic models. This practice is stimulated by methodological challenges and is complicated by the lack of data. We verify empirically the assertions about clear advantages of the territorial concentration of economic activities in cities in terms of production efficiency, national growth, and reducing regional disparities. According to the calculations, higher labor productivity is not the exceptional property of large cities; there is insufficient evidence to support the concentration of economic growth in agglomerations; interregional inequality is growing in most countries, including the ones with high per capita incomes. We conclude that our results contradict to the widely broadcasted statements about the higher economic efficiency of urban agglomerations. It is alarming that some assertions acquire the force of law in the Fundamentals of State Policy for Regional Development of the Russian Federation until 2025 and the discussed Concept for the Strategy of Spatial Development of the Russian Federation until 2025.

Keywords: strategy of spatial development; agglomeration; manufacturing efficiency; interregional inequality; empirical estimation

References

1. Fan, P., J. Chen & Z. Ouyang. (2017). Urbanizatsiya v Sibiri. Vzglyad so sputnika [Urbanization in Siberia: A Satellite View]. EKO, 7, 20–33.

2. *Maiminas, J.Z., V.L. Tambovtsev & A.G. Fonotov.* (Eds.). (1985). *Tseli i resursy v perspektivnom planirovanii* [Goals and Resources in Long-range Planning]. Moscow, Nauka Publ., 262.
3. *Beaudry, C. & A. Schiffauerova.* (2009). Who's right, Marshall or Jacobs? The localization versus urbanization debate. *Research Policy*, 38 (2), 318–337.
4. *Cox, E. & S. Longlands.* (2016). *City Systems: The Role of Small and Medium-sized Towns and Cities in Growing the Northern Powerhouse*. IPPR North. Available at: http://www.ippr.org/files/publications/pdf/city-systems_June2016.pdf (date of access: 01.06.2017).
5. *Dijkstra, L., E. Garcilazo & P. McCann.* (2013). The economic performance of European cities and city regions: myths and realities. *European Planning Studies*, 21(3), 334–354.
6. *Florida, R.* (2014). *The Rise of the Creative Class – Revisited: Revised and Expanded*. New York: Basic Books, 512.
7. *Duranton, G., V. Henderson & W. Strange* (Eds.). (2015). *Handbook of Regional and Urban Economics*, 5, 247–348.
8. *Henning, M., E. Stam & R. Wenting.* (2013). Path dependence research in regional economic development: Cacophony or knowledge accumulation? *Regional Studies*, 47 (8), 1348–1362.
9. *Kim, S.; R. Buckley, P. Annez & M. Spense* (Eds.). (2009). *Spatial inequality and development: theories, facts and policies*. *Urbanization and Growth*. Washington, DC, The International Bank for Reconstruction and Development and World Bank, 133–166.
10. *Martin, R., B. Gardiner & P. Tyler.* (2014). *The evolving economic performance of UK cities: city growth patterns 1981–2011*. Foresight, Government Office for Science. Available at: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/358326/14-803-evolving-economic-performance-of-cities.pdf (date of access: 01.02.2018).
11. *McCann, P.* (2013). *Modern Urban and Regional Economics*. Oxford: Oxford University Press, 432.
12. *Rigby, D.L. & J. Essletzbichler.* (2002). Agglomeration economies and productivity differences in US cities. *Journal of Economic Geography*, Vol. 2, Iss. 4, 407–432.

Information about the author

Melnikova, Larisa Viktorovna (Novosibirsk, Russia) – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (17, Ac. Lavrentiev av., Novosibirsk, 630090, Russia, e-mail: melnikova@ieie.nsc.ru); Associate Professor at Novosibirsk National Research State University (1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia).

Рукопись статьи поступила в редколлегию 12.03.2018 г.

© Мельникова Л.В., 2018